Особенности доказывания по делам о защите имущественных прав супругов и пути совершенствования обеспечивающего их реализацию законодательства

ГАНИЧЕВА Екатерина Севериановна, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушнская, 34

E-mail: civil@izak.ru

Рассматриваются проблемы регулирования имущественных отношений супругов, которые проявляются в процессуальной деятельности участников гражданского судопроизводства при разрешении споров, связанных с защитой права собственности. В качестве характерных примеров анализируются особенности доказывания и обоснования правовой позиции по делам об оспаривании сделок с общим имуществом супругов, совершенных одним из них без согласования со вторым супругом, а также по искам о разделе имущества. На основе судебной практики рассмотрены различные подходы к применению правовых презумпций, предусмотренных семейным и гражданским законодательством. Отдельное внимание уделено ситуациям, когда один из супругов, стремясь отстранить другого от решения вопросов о распоряжении общим имуществом, может скрывать приобретенные на свое имя дорогостоящие объекты, чтобы в дальнейшем реализовать их по собственному усмотрению. Лица, вступающие в сделки с таким супругом, не всегда располагают достоверными сведениями о правовом статусе указанных объектов, поскольку легальные возможности получения таких данных ограничены. Проблемы доступа к информации об имуществе, приобретенном одним из супругов в период брака, негативно отражаются на стабильности гражданского оборота и ставят в неблагоприятное положение другого супруга (сособственника).

Ключевые слова: общая совместная собственность супругов, презумпция согласия на распоряжение нажитым в браке имуществом, сделки с объектами совместной собственности супругов, нотариально удостоверенное согласие на совершение сделки, Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния, регистрация прав на недвижимое имущество, раздел совместно нажитого имущества.

Для цитирования: Ганичева Е. С. Особенности доказывания по делам о защите имущественных прав супругов и пути совершенствования обеспечивающего их реализацию законодательства // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 126—140. DOI: 10.12737/jrl.2020.047

Features of Evidence in Cases of Protection of Spouses Property Rights and Current Issues of Improving Legislation Ensuring Their Implementation

E. S. GANICHEVA, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: civil@izak.ru

The article deals with the problems of spouses property relations, which are shown in the procedural activities of participants in civil proceedings in resolving disputes related to the protection of property rights. As typical examples, we consider the peculiarities of proving and justifying the legal position in cases of contesting transactions with the common property of spouses made by one of them without the consent of the second spouse, as well as in claims for the division of property. Based on the analysis of judicial practice, various approaches to the application of legal presumptions provided for by family and civil legislation are considered. Special attention is paid to situations when one of the spouses, in an effort to remove the other from the decision on the disposal of common property, can hide the objects purchased in their own name, in order to further implement them at their own discretion. Persons entering into transactions with it do not always have reliable information about the

legal status of these objects, since legal opportunities to obtain such data are limited. The problems of access to information about property acquired by one of the spouses during marriage, considered in the article, negatively affect the stability of civil turnover and put the other spouse (co-owner) in an unfavorable position.

Keywords: common joint property of spouses, presumption of consent to the disposal of property acquired in marriage, transactions with objects of joint property of spouses, notarized consent to the transaction, Unified state register of civil status records, registration of rights to real estate, division of jointly acquired property.

For citation: Ganicheva E. S. Features of Evidence in Cases of Protection of Spouses Property Rights and Current Issues of Improving Legislation Ensuring Their Implementation. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 4, pp. 126—140. DOI: 10.12737/jrl.2020.047 (In Russ.)

Судебная практика по делам, возникающим из семейных правоотношений, в том числе по спорам имущественного характера, обнаруживает немало вопросов, нуждающихся в серьезном осмыслении и выработке ориентиров для дальнейшего совершенствования правового регулирования. И поскольку судебный процесс является формой реализации законодательных установлений¹, проблемы материально-правового регулирования отчетливо проявляются в процессуальной деятельности суда и сторон при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой имущественных прав супругов, в частности по искам о разделе совместно нажитого имущества и об оспаривании сделок по распоряжению общим имуществом. Изучение судебной практики по таким категориям дел дает основание для вывода о том, что ряд взаимосвязанных норм гражданского и семейного законодательства, посвященных материальному базису семьи, не отвечает потребностям времени, так как не в полной мере учитывает происходящие изменения семейного уклада, обусловленные сменой об-

щественно-экономической формации².

Законодательство, применяемое при разрешении дел о защите имущественных прав и интересов участников семейных правоотношений, до сих пор во многом сориентировано на усредненную семью, модель которой сформировалась в советский период. Ее характерные признаки в экономическом плане таковы:

оба супруга являются, как правило, наемными работниками либо заняты в таком секторе, где оплата

¹ Н. М. Кострова в связи с этим указывала, что в механизме взаимодействия гражданского процессуального и семейного права определяющим является воздействие семейного права на развитие судебной формы защиты (см.: Кострова Н. М. Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права. Ростов н/Д., 1988. С. 39).

² Эти процессы давно стали предметом исследования и обсуждения в науке семейного права в связи с поиском путей дальнейшего развития взаимосвязанных норм гражданского и семейного законодательства, регулирующих имущественные отношения супругов (см., например: Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5; Крылова З. Г. Имущественные права супругов в условиях перехода к рыночным отношениям // Государство и право. 1992. № 7; Кулагина Е. В. Отношения собственности супругов в условиях современной России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. № 4; Михеева Л. Ю. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет // Закон. 2017. № 2; Федорова О. А. Распоряжение бывшими супругами имуществом, находящимся в их совместной собственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. Вып. 1).

условно эквивалентна труду, и совокупный доход обоих супругов обеспечивает только основные нужды семьи, связанные с личным потреблением; причем отклонения от некоего среднестатистического дохода, который распределяется на всех членов семьи, не носят принципиального характера, поскольку в условиях обобществления средств производства предпосылки для имущественного расслоения общества минимальны;

при таких условиях неработающий супруг, в частности женщина, воспитывающая детей и ведущая хозяйство, косвенным образом участвует в общественном производстве, поскольку в значительной мере обеспечивает своему работающему супругу бытовые условия для постоянного воспроизводства способности к труду; примерно так же воспринимается роль женщины, которая выбирает низкооплачиваемую работу, позволяющую отдавать семье максимум времени и сил.

Для подобной модели семьи вполне справедливым можно считать правило, согласно которому имущество, приобретенное супругами в браке, является их совместной собственностью и они в равной мере могут участвовать в его использовании, а также в решении вопросов о распоряжении им, а в случае раздела имущества в судебном порядке доли супругов в этом имуществе по общему правилу признаются равными.

Совсем иначе на сегодняшний день такое регулирование может восприниматься теми, кто получает доход от предпринимательской и иных видов деятельности, приносящей экономические плоды, не обусловленные личными трудовыми затратами. К ним примыкает особая прослойка наемных работников, которые участвуют в перераспределении прибыли безотносительно к объему своего трудового вклада, получая крупные выплаты в качестве вознаграждения, премий, компенсаций и т. п.

Стабильно высокие и сверхвысокие доходы одного из супругов нередко приводят к изменению экономической роли второго, который частично или полностью утрачивает функции, связанные с бытовым обеспечением. Более того, не внося явного, существенного вклада в поддержание материального благополучия семьи, такой супруг вследствие своих высоких запросов сам может создавать заметное обременение для семейного бюджета. В силу различных причин он далеко не всегда располагает полной информацией о деятельности, которую независимо от него осуществляет другой супруг и которая обеспечивает высокий уровень благосостояния семьи. Эта деятельность может сопровождаться изменением объема имущественной массы, относящейся согласно закону к совместной собственности супругов. Причем нередко она ведется «за спиной» мужа или жены, поскольку супруг, непосредственно осуществляющий эту деятельность, видит в своей «второй половине» пассивного потребителя и не считает нужным обременять ее и себя обсуждением своих планов. Подобное поведение может быть вызвано также скрытыми намерениями добиться искусственного сокращения объема совместной собственности, чтобы обеспечить себе более выгодные условия на случай развода и раздела имущества. Соккрытие истинных размеров своего дохода, а также приобретений, сделанных на свое имя за счет общих денежных средств, вывод из состава общего имущества дорогостоящих объектов и иные манипуляции в настоящее время являются вполне доступными средствами достижения меркантильных целей супруга, который считает такой подход оправданным и справедливым с учетом своей доминирующей роли в обеспечении семьи.

Если рассматривать современную российскую семью как наиболее простую, естественно складывающуюся экономическую ячейку об-

щества, то ее основной отличительной чертой можно считать доверительный характер межличностных отношений³, что влечет неприемлемость формализованных процедур, опосредующих совместное решение вопросов, которые связаны с приобретением, использованием и отчуждением общего имущества. И это предопределяет специфику доказательственной деятельности сторон при рассмотрении имущественных споров между супругами (бывшими супругами).

Установление фактических обстоятельств по данным категориям дел и доказывание нередко осуществляются в условиях доминирования презумпций (как прямо вытекающих из закона, так и сформированных правоприменительной практикой), что отчасти позволяет компенсировать дефицит письменных доказательств и сомнительный характер объяснений сторон, третьих лиц, а также свидетельских показаний людей, которые нередко вовлекаются в конфликт, будучи связанными с его сторонами родственными или дружескими узами. Семейные правоотношения, по-видимому, всегда останутся сферой возникновения таких правовых конфликтов, при разрешении которых многие существенные обстоятельства дела устанавливаются на основе высокой степени вероятности. В подобных случаях, как отмечает А. Т. Боннер, суд при реконструкции событий, имевших место в прошлом, «порой исходит не только из закрепленных в законе презумпций, но и из собственного жизненного опыта»⁴. Однако возможность использования такого познавательного ре-

сурса, как жизненный опыт судьи, будет сужаться по мере развития и углубления процессов дифференциации общества, связанных с имущественным расслоением и многообразием социокультурных факторов, меняющих привычный семейный уклад.

На сегодняшний день, пожалуй, единственным формальным требованием, относящимся к порядку согласования вопросов о распоряжении общим имуществом супругов, является положение п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ. В соответствии с этой нормой для заключения одним из них сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. При невыполнении данного правила второй супруг вправе требовать признания сделки недействительной.

Судебная практика неоднозначно трактует эту норму и по-разному воспринимает ее соотношение с нормами п. 2 ст. 35 СК РФ, согласно которому при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом предполагается, что он действует с согласия другого супруга⁵; такая сделка может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только если доказано, что другая сторона знала или заведомо должна была знать о не-

³ Как справедливо указывает А. А. Елисеева, «личные неимущественные отношения носят доверительный характер, являются в семье определяющими и оказывают влияние на характер имущественных отношений» (Елисеева А. А. Указ. соч. С. 123).

⁴ Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000. С. 154.

⁵ Анализируя эту презумпцию, О. А. Федорова указывает, что она основана на предположении о том, «что между участниками совместной собственности существуют столь близкие, доверительные отношения, что любая сделка по распоряжению общим имуществом будет совершена только во благо и к выгоде всех участников» (Федорова О. А. Указ. соч. С. 47).

согласии второго супруга на совершение сделки.

Аналогичные положения, распространяющие свое действие на участников совместной собственности, предусмотрены п. 2 ст. 253 ГК РФ.

На практике весьма распространены случаи, когда к требованиям, основанным на положениях п. 3 ст. 35 СК РФ, применяются нормы п. 2 той же статьи, а также п. 2 ст. 253 ГК РФ. Анализируя такие примеры, можно прийти к выводу, что суды усматривают назначение п. 3 ст. 35 СК РФ лишь в том, чтобы внести отдельные уточнения в содержание главенствующего, по их мнению, положения, закрепляющего презумпцию согласования воли обоих супругов при решении вопросов, связанных с распоряжением совместно нажитым имуществом. Отказываясь применять п. 3 ст. 35 СК РФ в качестве специальной нормы, суды не видят в ней самостоятельного правового основания для признания сделки недействительной. Такая трактовка ст. 35 СК РФ обычно аргументируется следующим образом: «...законом не установлено, что само по себе отсутствие нотариально удостоверенного согласия супруга на совершение сделки по распоряжению недвижимым имуществом означает несогласие этого супруга на совершение сделки, поэтому несоблюдение одним из супругов установленного п. 3 ст. 35 СК РФ порядка совершения сделки с недвижимостью само по себе не доказывает отсутствие согласия другого супруга на совершение сделки»⁶.

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 21 апреля 2014 г. по делу № 33-8414/2014. См. также апелляционное определение Московского городского суда от 24 октября 2016 г. по делу № 33-42412/2016; постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 19 сентября 2017 г. № 44Г-125/2017; апелляционное определение Красноярского краевого суда от 2 июля 2018 г. по делу № 33-8898/2018; апелляционное определение Ал-

При таком подходе к применению ст. 35 СК РФ истцу бывает весьма сложно опровергнуть презумпцию, предусмотренную п. 2 данной статьи Кодекса. В то же время приведенная выше позиция выступает своеобразной гарантией защиты прав приобретателя или участника иной сделки с общим имуществом супругов от их недобросовестного поведения, поскольку специфика семейных правоотношений такова, что не позволяет исчерпывающим образом воссоздать события, предшествующие совершению сделки, выяснить истинные намерения супругов и проверить, не было ли между ними договоренности реализовать совместный план неправомерного обогащения.

В других случаях суды признают сделку по распоряжению общим имуществом супругов недействительной в соответствии с п. 3 ст. 35 СК РФ, применяя ее как специальную норму. Это исключает обязанность истца опровергать предположение о том, что второй супруг действовал с его согласия, и доказывать, что другой участник сделки знал или заведомо должен был знать о несогласии истца с намерениями и действиями своего супруга. Такая позиция находит отражение в практике Верховного Суда РФ.

По результатам надзорной проверки актов, принятых нижестоящими судами, Верховный Суд РФ отменил их, указав на существенные нарушения норм материального права, допущенные при разрешении спора о признании недействительным договора купли-продажи квартиры, который заключил супруг, не располагавший нотариально удостоверенным согласием своей жены на совершение данной сделки. Суды первой и кассационной инстанций сочли ее исковые

тайского краевого суда от 4 июня 2019 г. по делу № 33-5213/2019; апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 2 апреля 2019 г. по делу № 33-2086/2019.

требования не подлежащими удовлетворению, поскольку не было представлено доказательств того, что другая сторона в сделке знала или должна была знать об отсутствии согласия истицы на заключение ее мужем договора купли-продажи. Существенный характер нарушений материального права Верховный Суд РФ усмотрел в том, что при разрешении дела суд «не применил к возникшему спору нормы п. 3 ст. 35 СК РФ, а руководствовался положениями абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ и п. 3 ст. 253 ГК РФ, что нельзя признать правильным. Судом не учтено, что нормы п. 3 ст. 35 СК РФ не противоречат ГК РФ, поскольку в п. 4 ст. 253 ГК РФ говорится о возможности установления отличного от ГК РФ режима владения, пользования и распоряжения совместной собственностью»⁷.

В другом определении Верховного Суда РФ факту отсутствия нотариально удостоверенного согласия одного из супругов на заключение договора об ипотеке была дана процессуально-правовая оценка. Судебная коллегия по гражданским делам со ссылкой на ч. 1 ст. 55, ст. 59 и 60 ГПК РФ указала, что «поскольку удостоверение согласия на совершение сделки супругом по распоряжению общим имуществом предусматривает необходимость соблюдения нотариальной письменной формы, постольку факт выдачи такого согласия может быть подтвержден только письменными доказательствами»⁸. В сущности, Верховный Суд РФ истолковал нормы п. 3 ст. 35 СК РФ как положения, исключающие использование недопустимых доказательств.

Из двух приведенных выше позиций Верховного Суда РФ именно вторая, акцентирующая внима-

ние на формальных требованиях к порядку подтверждения согласия второго супруга и на процессуально-правовых последствиях его несоблюдения, в наибольшей мере соответствует логической структуре ст. 35 СК РФ.

В пункте 1 данной статьи сформулировано правило, обязывающее супругов действовать согласованно при осуществлении их общих полномочий владения, пользования и распоряжения принадлежащим им имуществом. Реализация этих полномочий одним из супругов должна базироваться на единстве воли обоих, так как они являются субъектами единого вещного права и ни одному из них оно не принадлежит в полном объеме⁹. Поскольку супружеские отношения носят доверительный характер и не предполагают использования формальных процедур для выработки и документальной фиксации их решений, в п. 2 ст. 35 СК РФ сформулирована как общая норма презумпция согласования воли супругов при введении их совместной собственности в гражданский оборот посредством сделки, совершаемой одним из супругов. По общему правилу для признания этих сделок недействительными по требованию второго супруга недостаточно опровергнуть предположение о единстве воли обоих участников совместной собственности; необходимым условием для удовлетворения иска в данном случае выступает установление фактов, связанных с интеллектуальным восприятием вторым участником сделки сопутствующих ей обстоятельств (знал или заведомо должен был знать о несогласии другого супруга на совершение сделки).

Что касается п. 3 ст. 35 СК РФ, то включенные в него положения пред-

⁷ Определение ВС РФ от 6 декабря 2011 г. № 67-В11-5.

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14 апреля 2015 г. № 5-КГ15-26.

⁹ См.: *Синицын С. А.* Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2015. С. 118—119.

ставляют собой специальные нормы, распространяющие свое действие на такие виды сделок, объект, предмет и характер которых обуславливает установление законодателем особых требований к их оформлению и (или) последующей регистрации перехода имущественных прав. Для их совершения необходимо нотариально удостоверенное согласие второго супруга. Императивный характер этого специального правила исключает возможность применения общих норм п. 2 ст. 35 СК РФ, в том числе презумпции согласия второго супруга на совершение сделки: для случаев, указанных в абз. 1 п. 3 ст. 35 СК РФ, согласие не может быть предполагаемым, оно должно быть ясно выражено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Следовательно, никакие иные доказательства, подтверждающие единство воли собственников, нельзя признать допустимыми.

Однако приведенное выше толкование норм ст. 35 СК РФ, как и противоположный подход, допускающий применение презумпции согласования воли обоих супругов для всех категорий сделок, не позволяют достичь баланса интересов участников указанных выше правоотношений — супруга, без ведома которого была совершена сделка, и так называемого третьего лица, которое, действуя добросовестно, заблуждалось относительно статуса имущества и (или) семейного положения своего контрагента в данной сделке. Иллюстрацией тому служат характерные проблемы, возникающие при осуществлении доказательственной деятельности в ходе судебного рассмотрения требований о признании сделки недействительной по основаниям, предусмотренным нормами ст. 35 СК РФ. Многие из этих проблем связаны с субъективным восприятием сделки лицом (например, приобретателем имущества), заключившим ее с одним из супругов.

В ходе судебного процесса доказать его осведомленность о явно от-

рицательном отношении истца к совершению сделки довольно сложно, а в случаях, когда истец ничего не знал о планах своего мужа или жены по распоряжению общим имуществом, вообще невозможно — нет информации о подготовке к заключению сделки, нет и повода для выражения своего несогласия или активного противодействия. Однако, если истцу удастся доказать, что приобретатель знал или должен был знать, что вторая сторона сделки состоит в браке, он получает возможность выдвинуть следующий аргумент: действуя разумно и осмотрительно, приобретатель как минимум обязан был выяснить причины отсутствия нотариально заверенного согласия собственника на совершение сделки. Впрочем, это логическое построение не вполне соответствует формулировке абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ, согласно которой истец должен доказать, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать не об отсутствии его согласия, а именно о несогласии на совершение конкретной сделки, т. е. об осознанном, явно отрицательном отношении к ней.

Приведенная выше норма, влияющая на распределение бремени доказывания, не охватывает такие ситуации, когда истец не знал о планах своего супруга, а в дальнейшем столкнулся уже с последствиями совершенной без его ведома сделки. И если в семьях с невысоким уровнем дохода все крупные сделки одного из супругов обычно не являются секретом для другого, поскольку они заметно отражаются на семейном бюджете (например, меняют привычный объем и характер потребления, требуют совместных усилий для содержания и обслуживания тех или иных объектов и т. д.), то при значительном расширении финансовых ресурсов повышаются и возможность совершения дорогостоящих покупок, и возможность скрыть свои приобретения, а в дальнейшем — распорядиться

ими по собственному усмотрению. Поэтому встречающиеся в судебных актах утверждения о том, что истец, живя вместе с ответчиком, не мог не знать об отчуждении или приобретении тех или иных объектов, о получении и расходовании общих денежных средств и т. п., далеко не всегда основаны на высокой степени вероятности и выглядят неубедительно.

Во многих случаях факт осведомленности приобретателя о семейном положении второго участника сделки неочевиден. Наиболее доступным источником такой информации при заключении договора выступает паспорт, однако практикующим юристам хорошо известно, что по тем или иным причинам отметка о заключении брака в паспорте может отсутствовать, несмотря на то что данный человек состоит в браке. Кроме того, при выдаче нового паспорта в него не включаются сведения обо всех ранее зарегистрированных браках, которые впоследствии были расторгнуты или прекращены¹⁰. При этом закон не дает второму участнику сделки, например приобретателю, возможности самостоятельно установить истинное положение вещей, сопоставив периоды возникновения у его контрагента права собственности на данное имущество и изменения семейного положения. Получение такой информации в органах записи актов гражданского состояния преграждается установленными на законодательном уровне правовыми механизмами защиты персональных данных (об их конфиденциальном характере говорится в ст. 7 Федерального закона

от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»)¹¹.

В связи с этим возникает еще один вопрос, касающийся содержания абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ в части, предусматривающей обязанность истца доказать, что приобретатель знал или должен был знать о его несогласии с намерениями мужа или жены по распоряжению общим имуществом. Прежде всего не ясно, какие именно действия ответчик мог и должен был предпринять, чтобы выяснить хотя бы сведения о семейном положении своего контрагента в период возникновения у него права собственности на имущество. Это далеко не праздный вопрос, поскольку зачастую бывшие супруги не торопятся осуществить раздел совместно нажитого имущества, тем более что начало течения срока исковой давности по такого рода требованиям не привязано к моменту расторжения брака¹². Так, покупатель, который точно знает, что про-

¹¹ В обозримом будущем положительный эффект в плане защиты интересов приобретателей и иных категорий контрагентов по договорам, которые заключаются в нотариальной форме, можно ожидать от использования нотариусами данных Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния. Порядок его функционирования определен Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», постановлениями Правительства РФ от 27 июня 2018 г. № 738 «Об утверждении Правил ведения Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния», от 29 декабря 2018 г. № 1746 «Об утверждении Правил предоставления сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния, и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

¹² См. п. 19 постановления Пленума ВС РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

¹⁰ См. приказ МВД России от 13 ноября 2017 г. № 851 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации».

давец не женат (не замужем), может не иметь сведений о том, что он приобрел объект планируемой сделки в период брака, расторгнутого несколько лет назад.

Указание в законе (абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ) на то, что сторона в сделке «заведомо должна была знать» о несогласии второго собственника на совершение сделки, по-видимому, подразумевает обязанность активно использовать доступные и не противоречащие закону средства для выяснения обстоятельств, при наличии которых сделка будет считаться правомерной. Но применение этой формулировки также может означать еще одну заложенную законодателем косвенную презумпцию — основанное на высокой степени вероятности предположение, что сторона в сделке располагала возможностью получить всю необходимую информацию. Иными словами, оспаривая сделку по основанию, предусмотренному абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ, истец должен доказать, что приобретатель мог воспользоваться реально существующими и при этом законными средствами получения достоверной информации, позволяющей оценить правомерность сделки. И понятие «заведомо» следует трактовать как отсылку к доступности данной информации. Приобретатель не вправе самостоятельно запрашивать из официальных источников сведения о семейном положении продавца, ему остается лишь потребовать от своего контрагента запросить, получить и предоставить соответствующий документ о семейном положении. Потенциальная возможность использования такого пути получения информации вряд ли укладывается в формулировку «заведомо должен был знать».

В условиях дефицита сведений о статусе имущества могут пострадать интересы как добросовестного приобретателя или иного контрагента в сделке с общим имуществом, так и супруга, отстраненного

от участия в определении юридической судьбы своего имущества.

Давняя и наиболее очевидная проблема, решение которой позволило бы свести к минимуму юридические и экономические риски для добросовестного приобретателя, связана с порядком ведения Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН). Как отмечается в подготовленном Министерством юстиции РФ докладе о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2018 г.¹³, отсутствие согласия одного супруга на совершение сделки не препятствует совершению другим супругом сделки и проведению государственной регистрации прав на недвижимость. Следовательно, если только один из супругов числится в ЕГРН правообладателем объекта недвижимости, который находится в совместной собственности обоих супругов, то выданная третьим лицам информация из Реестра, носящего публичный характер, не будет достоверной.

Новеллы, предусматривающие изменение порядка ведения Реестра, были включены в законопроект, внесенный в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в ноябре 2019 г. по итогам разработки ряда взаимосвязанных положений, которые призваны более детально урегулировать имущественные правоотношения супругов¹⁴.

Законопроект, в частности, предусматривает, что помимо государственной регистрации права совместной собственности на недвижимое имущество по заявлению одного из собственников (за исключением бывшего супруга), внесение в Реестр сведений об обоих

¹³ URL: http://government.ru/dep_news/38420/.

¹⁴ См.: Законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части имущественных отношений супругов)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7>.

участниках совместной собственности должно осуществляться также в отсутствие такого заявления, а именно — на основании данных, которые государственный регистратор обязан будет запрашивать в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния.

Но проект не учитывает другую важную проблему, осложняющую защиту имущественных прав супругов. В настоящее время они не имеют гарантированной законом возможности самостоятельно запрашивать и получать сведения не только о приобретенных и скрываемых вторым супругом объектах недвижимости, но и о ценных бумагах, денежных средствах на банковских счетах, долях в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, транспортных средствах, хотя в соответствии с действующим законодательством сведения о них подлежат учету, т. е. существуют надежные источники постоянно обновляемой информации, доступ к которым имеет свои ограничения.

Так, кредитные организации обязаны сохранять банковскую тайну (ст. 8 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности»), и запросы граждан о личных счетах своих супругов не являются исключением из этого правила. Профессиональные участники рынка ценных бумаг, осуществляющие деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг, а также депозитарную деятельность, должны соблюдать конфиденциальность; при этом Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» не относит супругов владельцев ценных бумаг к числу лиц, которым они вправе и обязаны предоставлять сведения об имущественных правах своих клиентов (ст. 8⁶). Единый государственный реестр недвижимости ведется пообъектно. Любое лицо может запросить сведения о конкретном объекте недвижимого имущества и узнать историю перехода

прав на него. Но Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и принятые на его основе подзаконные акты не позволяют супругам (или бывшим супругам) лиц, значащихся в Государственном реестре в качестве собственников, сделать запрос о том, какие объекты были зарегистрированы на имя мужа или жены в период брака, и получить сведения об имуществе, которое могло быть приобретено без их ведома. Примерно так же обстоят дела и с получением информации о наличии у конкретного лица долей в уставном капитале в обществах с ограниченной ответственностью, если перечень таких юридических лиц супругу (т. е. предполагаемому сособственнику) заранее не известен. В результате он оказывается в неблагоприятном положении, так как не в состоянии своевременно отреагировать на совершение незаконных сделок, а в случае заключения соглашения о разделе имущества или при обращении в суд с иском о разделе имущества не может самостоятельно проверить состав наиболее ценных материальных активов, подлежащих разделу.

Вряд ли указанные выше ограничения можно считать оправданными в случаях, когда речь идет о сособственниках, для которых информация об общем имуществе является необходимым условием реализации и защиты вещного права. На наш взгляд, устранение такого рода препятствий не будет входить в противоречие с доверительным характером отношений между супругами, поскольку доверие, пока оно существует, должно выступать фактором, ограничивающим потребность в осуществлении контроля за деятельностью второго супруга.

Необходимо дополнить Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» нормами, которые обеспечивали бы для лиц, состоящих или состоявших в браке, возможность получения данных обо

всех объектах недвижимого имущества, которые были зарегистрированы на имя их супруга (или бывшего супруга) в период брака. Следовало бы также разработать аналогичные механизмы получения информации в отношении иных видов имущества или имущественных прав, для которых законодательство предусматривает специальные процедуры учета или регистрации, причем независимо от статуса информационных систем и субъектов, чьи функции связаны с их созданием, обновлением и функционированием. Законный механизм получения такого рода информации должен применяться и в случае прекращения брачно-семейных правоотношений. Как отмечает М. Шелютто, законный режим имущества супругов «прекращает действовать одновременно с расторжением брака в том смысле, что он не распространяется на наживаемое после этого момента имущество. Приобретенное же в период брака общее имущество вплоть до его раздела, отчуждения или гибели продолжает находиться в совместной собственности бывших супругов»¹⁵.

Недостаток правовых средств, которые позволяли бы супругам (или бывшим супругам) самостоятельно запрашивать и получать информацию о составе и объеме нажитого в браке имущества в целях предъявления в суде требований о его разделе, не может быть компенсирован мерами, которые предусмотрены указанным выше законопроектом в целях совершенствования норм СК РФ о разделе общего имущества.

Согласно пояснительной записке его разработчики склоняются к тому чтобы рассматривать вещи, иные объекты имущественных прав, а равно и сами имущественные права, относящиеся к общей совместной собственности, не как простую сово-

купность материальных благ, а как единый имущественный комплекс. Предполагается, что это позволит избежать недобросовестных манипуляций и искусственного создания несправедливых преимуществ для одной из сторон в случаях разрозненного, поэтапного рассмотрения исковых требований о разделе супружеского имущества, т. е. когда такой раздел производится в разных судебных процессах.

Нельзя не согласиться с тем, что раздел всех без исключения объектов, входящих в состав совместной собственности, произведенный с учетом общих обязательств супругов, является наиболее эффективным средством защиты прав и интересов обоих участников спора. К тому же в ситуации, когда к разделу заявлены все объекты, сторонам легче пойти на компромисс и заключить мировое соглашение.

В развитие идеи о придании имуществу супругов свойств единого имущественного комплекса законопроект предлагает дополнить ст. 38 СК РФ новым правилом, согласно которому судебный акт о разделе общего имущества супругов должен устанавливать размер доли супругов во всем их общем имуществе и перечень объектов из состава общего имущества супругов, которые передаются одному из них в счет установленной судом его доли в общем имуществе; при этом права на отдельные объекты из состава общего имущества супругов, не распределенные между ними на основании судебного акта (или соглашения о разделе общего имущества), будут принадлежать им в указанных в таком судебном акте долях (по общему правилу — с момента его вступления в законную силу).

Вполне возможно, что предлагаемые новеллы могли бы стать стимулом для того, чтобы исковые требования о разделе имущества (а также встречные требования второй стороны) охватывали собой все ценные и значимые объекты, приобретенные

¹⁵ Цит. по: Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010. С. 561.

в период брака. Однако их основная задача в другом — обеспечить урегулирование имущественных правоотношений бывших супругов посредством полного преобразования правового статуса всего нажитого в браке имущества (т. е. трансформации права совместной собственности в право долевой собственности) независимо от избранной сторонами тактики защиты своих интересов. Иными словами, даже если обе стороны предъявят требования о разделе части имущества, вступление в законную силу судебного решения будет означать раздел всего имущества, относившегося ранее к общей совместной собственности супругов, т. е. не указанные в первоначальном или встречном иске объекты будут разделены автоматически. И хотя законопроект уделяет повышенное внимание регистрации прав на недвижимое имущество, он, тем не менее, оставляет без ответа очевидный вопрос: в каком порядке актуальные сведения о долевой собственности на объекты недвижимости, не заявленные сторонами к разделу, будут вноситься в ЕГРН, и не потребуются ли для этого новое обращение в суд — на этот раз уже с иском о признании права на долю в имуществе, которое было зарегистрировано в период брака на имя одного из супругов, но не фигурировало ни в судебном решении, ни в соглашении о разделе имущества.

Рассмотренные выше новеллы представляются как минимум преждевременными, поскольку они не подкреплены концептуальной разработкой нормативных положений, определяющих правовой режим единого имущественного комплекса как формы осуществления права совместной собственности супругов.

Впрочем, возможность и целесообразность использования этой юридической конструкции для целей регулирования семейных правоотношений вызывает сомнения, хотя бы потому, что невозможно инвента-

ризовать все те вещи, которыми члены семьи пользуются в своей повседневной жизни. Сколь высокой ни была бы их общая стоимость, закон не может обязать супругов отражать в какой-либо предписанной им системе учета все объекты, приобретенные в период брака. И в этом принципиальное отличие совокупности общего имущества супругов от имущества предприятий, линейных сооружений и иных объектов, к которым на сегодняшний день применяется правовой режим имущественного комплекса. В отличие от них новая разновидность единого имущественного комплекса не будет иметь четких границ. Поэтому применение категории «единый имущественный комплекс» к совокупности объектов, составляющих общую совместную собственность супругов, привнесет в правовое регулирование элементы неопределенности.

Предложение распространить содержащиеся в судебном решении правовые выводы о размере долей в общей собственности супругов на имущество, по тем или иным причинам не заявленное к разделу, можно рассматривать как попытку ввести новый порядок урегулирования имущественных отношений собственников, который будет осуществляться помимо их воли, т. е. вопреки принципу диспозитивности. Законопроект не учитывает, что во многих случаях бывшие супруги не считают нужным переводить в правовую плоскость вопросы, касающиеся дальнейшей юридической судьбы многих вещей, например таких, как бытовая техника, мебель и другие предметы домашнего обихода, коллекции книг, произведения живописи, драгоценности и т. п. В случае принятия предлагаемых поправок все эти объекты будут автоматически разделены с момента вступления в законную силу судебного акта, определяющего соотношение долей собственников, а самостоятельное отчуждение таких вещей лицом, в непосредственном фи-

зическом обладании которого они находятся, станет неправомерным.

Возможно, это позволит дополнительно обеспечить интересы кредиторов. Однако любая попытка обратиться за взысканием на конкретные вещи может обернуться спорами по поводу их происхождения, например выяснится, что они не входили в состав общей совместной собственности, поскольку были приобретены по безвозмездной сделке, получены в наследство и т. п. На этом примере видно, что судебное решение о разделе имущества, которое должно будет оказывать регулирующее воздействие на отношения сособственников по поводу вещей, не упомянутых в исковых требованиях, не сможет исчерпывающим образом урегулировать данные правоотношения.

В ряде случаев невключение в состав имущества, подлежащего разделу, всех ценных объектов, относящихся к совместной собственности супругов, связано с тем, что одному из них не было известно о дорогостоящих приобретениях, сделанных вторым супругом на свое имя за счет общих средств. Впоследствии такое имущество может быть обнаружено. По смыслу проектируемых норм оно будет находиться в долевой собственности бывших супругов. Между тем в силу тех или иных юридически значимых обстоятельств к нему следовало бы применить иное соотношение долей, нежели то, которое указано в решении суда и которое невыгодно стороне, ранее не знавшей о существовании данного имущества. Однако добиться пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам будет практически невозможно, поскольку заинтересованной стороне вряд ли удастся доказать отрицательный факт — свою неосведомленность о приобретениях второго супруга.

К сожалению, законопроект не предусматривает мер, направленных на создание условий, обеспечи-

вающих сторонам возможность самостоятельно, еще до обращения в суд уточнять и дополнять сведения о составе имущества, принадлежащего им на праве общей совместной собственности, и готовить доказательства, обосновывающие иски о разделе. Это позволило бы ускорить рассмотрение дела и снять излишнюю нагрузку на судей, которые, во-первых, не склонны, а во-вторых, не в состоянии проводить длительный, полномасштабный розыск имущества по ходатайствам сторон, вступая в затяжную переписку с различными государственными органами и иными субъектами, располагающими необходимой информацией. К тому же изначально заданная неопределенность предмета исковых требований, когда истцу лишь приблизительно известно о возможном объеме и составе совместно нажитого имущества, придает судебному разбирательству черты следственного процесса, не свойственные современному гражданскому судопроизводству, чрезмерно усложняет его и делает малопредсказуемым движение дела.

Таким образом, дефицит правовых средств, которые предоставляли бы супругам (бывшим супругам), выступающим сторонами спора о разделе имущества или истцами при оспаривании сделок с общим имуществом, легальные возможности самостоятельно выявлять принадлежащие им на праве общей совместной собственности объекты, ущемляет право собственности и затрудняет судебную защиту имущественных прав, не способствует эффективному поддержанию стабильности гражданского оборота и обеспечению публичной достоверности данных государственных реестров, а также ведет к нарушению ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, предусматривающей обязанность государственных органов предоставлять каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосред-

ственно затрагивающими его права и свободы.

Эти проблемы будут частично решены в условиях функционирования Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния и принятия описанных выше поправок в Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости». Однако ожидаемый положительный эффект в полной мере проявится лишь в будущем, поскольку проект не предусматривает полной и исчерпывающей корректировки данных ЕГРН в целях отражения в нем сведений обо всех ранее возникших, но не зарегистрированных правах. Его разработчики и инициаторы не ставят такой задачи, очевидно потому, что ее решение оказалось бы слишком сложным, затратным и продолжительным. Однако законопроект предусматривает внесение изменений в ЕГРН по инициативе соб-

ственников: в соответствии с переходными положениями супруг, в отношении которого на день вступления в силу проектируемого закона в ЕГРН не содержатся сведения о принадлежности ему вместе с другим супругом недвижимого имущества на праве общей совместной собственности, вправе будет подать заявление о включении в ЕГРН указанных выше сведений без согласия супруга, указанного в Реестре в качестве собственника такого недвижимого имущества. Но воспользоваться этим правом смогут лишь те, кто осведомлен о наличии общего имущества, приобретенного на имя второго супруга. Совершенно очевидно, что ценность данной инициативы могла бы возрасти, если бы эта новелла сопровождалась установлением права на запрос сведений обо всем недвижимом имуществе, зарегистрированном на имя другого супруга в период брака.

Библиографический список

- Боннер А. Т. Установление обстоятельств гражданских дел. М., 2000.
- Елисеева А. А. Равенство супругов в имущественных отношениях: история и современные вызовы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5.
- Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010.
- Кострова Н. М. Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права. Ростов н/Д., 1988.
- Крылова З. Г. Имущественные права супругов в условиях перехода к рыночным отношениям // Государство и право. 1992. № 7.
- Кулагина Е. В. Отношения собственности супругов в условиях современной России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. № 4.
- Михеева Л. Ю. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет // Закон. 2017. № 2.
- Синицын С. А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2015.
- Федорова О. А. Распоряжение бывшими супругами имуществом, находящимся в их совместной собственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. Вып. 1.

References

- Bonner A. T. Establishing the circumstances of civil cases. Moscow, 2000. 328 p. (In Russ.)
- Conception of the development of the Russian legislation. Ed. by T. Y. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. Moscow, 2010. 736 p. (In Russ.)
- Eliseeva A. A. Equality of spouses in property relations: history and contemporary challenges. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 5, pp. 118—125. (In Russ.)
- Fedorova O. A. Available to former spouses of the property under their joint ownership. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2012, iss. 1, pp. 45—53. (In Russ.)

Kostrova N. M. Theory and practice of interaction of civil procedure and family law. Rostov-on-Don, 1988. 144 p. (In Russ.)

Krylova Z. G. Property rights of spouses in the transition to market relations. *Gosudarstvo i pravo*, 1992, no. 7, pp. 26—35. (In Russ.)

Kulagina E. V. Property relations between spouses in modern Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2008, no. 4, pp. 78—88. (In Russ.)

Mikheeva L. Yu. There is no concept of the development of family law in Russia. *Zakon*, 2017, no. 2, pp. 6—20. (In Russ.)

Sinitsyn S. A. Absolute and relative legal rights. general system and problems of the theory of civil law. a comparative-law study. Moscow, 2015. 568 p. (In Russ.)